
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

ЧЕЛОВЕК КАК ЖИВОТНОЕ

Аннотация. В чем отличие человека от животного? Эта вечная тема для психологов и философов. Представители социобиологи, например М. Миджли, полагают, что человек не просто похож на животное, он им и является. Она критикует Фрейда за то, что он не интересовался этим вопросом. Между тем основоположник классического психоанализа сделал немало открытий, рассматривая человека именно как животное. Другие направления психоанализа, особенно представители структурного психоанализа, напротив, искали признаки человеческой природы в его социальности, в обладании речью и символикой. В данной статье делается попытка подойти к этой проблеме через призму морали.

Методы анализа проблемы в данном случае тесно связаны с философским постижением человека. Общей методологической базой исследования выступает диалектика, обогащённая современными достижениями в области системного подхода и синергетического видения мира. Автор показывает, что обсуждение этой темы актуализирует многие вопросы морали.

Новизна подхода в статье связана с попыткой увидеть различие животного и человека не в способе жизнедеятельности, а в нравственном отношении к реальности. Сопоставляя эгоизм и альтруизм, автор показывает, что животные не могут рассматриваться как нравственные субъекты. Уточняется также различие между философским пониманием человеческой природы и биологическим её толкованием, близким к понятию «человеческой породы».

Ключевые слова: психология, животное, человек, бихевиоризм, эгоизм, альтруизм, человеческая природа, разумность, эмотивизм, идентичность.

Мэри Миджли (р. 1919) – старший преподаватель философии Ньюкаслского университета, Великобритания) разрабатывает теорию идентичности природы и животного. «Мы не просто похожи на животных, мы – животные»¹, – утверждает она. В разделе «Концептуальные проблемы необычной породы» задается дискуссия с экзистенциалистской точкой зрения, согласно которой такого понятия, как «человеческая природа» нет вообще. Для экзистенциалистов существуют только человеческие условия, показывающие, что с человеком происходит, а во все не то, каким он рождён»².

З. Фрейд, по мысли автора, «относительно многих сфер, в действительности, ничего не мог сказать, ибо эти сферы его не интересовали, и исследовал их исключительно только с точки зрения

секса»³. Миджли считает, что наука нуждается в новых и более достоверных концепциях, которые объясняли бы человеческую мотивацию. Основатель бихевиоризма Дж. Уотсон (1878-1958), как известно, исповедовал доктрину Дж. Локка о том, что единственным источником всех идей является опыт, что до опыта человеческий разум есть белый лист бумаги. Уотсон полагал, что человек лишён инстинктов, что и стало основой целого психологического направления. Так, Б.Ф. Скиннер в ранней своей работе «Поведение организмов»⁴ не упомянул даже об инстинктах, а позже, хотя и признал существование инстинктов, полагал, что изучать их не следует, ибо они неизменны.

По определению Скиннера, агрессия есть «общая тенденция нападать на особей своего вида»⁵. К. Лоренц прав, что она является неотъемлемым

¹ Midgley M. Beast and man. The roots of human nature. Ithaca (N.Y.), 1978. P. XIII.

² Op. cit. P. 4.

³ Op. cit. P. 11.

⁴ Skinner B.F. The behavior of organisms. N.Y., 1938.

⁵ Op. cit. P. 54.

центральным элементом человеческой природы. Стремление избавиться от агрессии абсурдно и сравнимо, по Лоренцу, с тем, чтобы отрезать руку, поскольку в ней зажат кинжал. Для понимания поведения мыслящих существ необходим серьезный подход к мотивации поведения. С этой целью Миджли рассматривает понятия эгоизма и альтруизма.

Философы, обосновывающие эгоизм, не находят объяснения появлению альтруизма как феномена. Их оппоненты полагают, что поступки могут определяться не только собственными интересами людей, но и вопреки им. Здесь особую важность приобретает проблема лицемерия, поскольку ему свойственно искажать и преувеличивать требования, предъявляемые к нам другими. «Благие намерения – это термин, описывающий такую мотивацию, с которой начинается любое действие»⁶. Бессознательный альтруизм присущ и животным, которые ухаживают за детёнышами, защищают их (зачастую ценой собственной жизни), а некоторые даже берут на себя заботу о сиротах. Слоны и дельфины, например, помогают своим взрослым собратьям, дикие собаки «нянчат» чужих детёнышей, кормят больных и взрослых особей.

Традиционная задача философии морали – понять, просветлить, соотнести друг с другом и привести в гармоничный вид различные потребности, характеризующие разные стороны человеческой природы. В этом ей помогает биология, выступающая другим аспектом единого научного исследования морали. Биологизация этики способствует повышению качества философского анализа морали. «Философия есть сортировка общих концепций и организация их в годные для употребления схемы»⁷. Но отношение между фактами биологии и вопросами правильных поступков не простое. Многие согласны с тем, что в начале XX в. философия морали потерпела серьезную неудачу.

В это время в англоязычных странах наблюдалась кратковременная мода на интуитивизм, который служил как бы дубинкой для побития позитивных традиционных форм морализирования. Пришедший на смену интуитивизму эмотивизм также не мог серьезно взглянуть на реальную действительность. Если интуитивисты шли от факта к ценности, то эмотивисты настаивали на изоляции суждения морали от какого бы то ни было

реального явления, отчего цена морализирования сузилась. Все традиционные исследования целей, мотивов, желаний, хороших и плохих побуждений к действию, анализ проблемы свободы и необходимости, исследование общества и природы человека были отброшены как фактуальные или метафизические. Справедливость, счастье, гуманность трактовались как смешанные случаи, где сужение факта неотлично от суждения ценности.

Исследуя моральные дилеммы, эмотивисты, как и экзистенциалисты, подчеркивают пропасть, лежащую между возможностями выбора. Они концентрируют свое внимание на взаимоисключающих решениях (например, решение присоединиться к французскому движению Сопротивления или спасти свою мать, как писал Ж.-Ж. Сартр в своей работе об экзистенциализме и гуманизме., вместо того, чтобы предложить более сложный, но драматический третий путь осмысления событий). Единственная (но огромная) разница между экзистенциализмом и эмотивизмом состоит в том, что экзистенциалисты выступают от первого лица («что я должен делать?»), а эмотивисты приспособливают решение во втором и третьем лице («ты и он») к более или менее сложным случаям жизни. Миджли предлагает свой путь к решению жизненных проблем, который является не чем иным, как христианской этикой. «Нет никакой причины бояться небес», – пишет Миджли⁸.

Миджли утверждает, что разум и эмоция не являются антагонистами. Традиционные признаки человека – речь, разум и культура. Но вопрос, что же отличает человека от животного, Миджли считает неправомерным, ибо на него нельзя дать однозначный ответ. Хотя Аристотель сам не называл человека «разумным животным», но аристотелевская традиция придерживается именно такого определения. Декарт отрицал понимание человека как разумного животного. Он пришёл к выводу, что человек не животное, а мыслящее существо. Животных Декарт считал автоматами, не имеющими сознания, действующими только потому, что у них есть соответствующие органы. Однако, по мнению Миджли, многие люди зачастую руководствуются в своих действиях тем же принципом.

Разум предполагает разумность. Бешеная собака отличается от здоровой собаки точно так же, как умалишенный отличается от нормального человека. Известно, что шимпанзе можно научить

⁶ Midgley M. *Beast and man. The roots of human nature.* Ithaca (N.Y.), 1978. P. 128.

⁷ *Op. cit.* P. 174.

⁸ *Op. cit.* P. 200.

изъясняться языком знаков, тем, которым пользуются глухонемые. Так, шимпанзе Уошоу в 1966-1971 гг. научили пользоваться 150 знаками и еще 200 знаков она понимала. А шимпанзе Элли обучили понимать также и разговорный английский язык. Это означает, если воспользоваться терминологией лингвистов, «кросс-модальную передачу мыслей, которая считалась ранее невозможной для животных»⁹. Предпринимавшиеся попытки научить обезьян разговаривать были почти безуспешными (обезьяны заучивали всего несколько слов). Однако успешный эксперимент на обезьянах с языком глухонемых показывает, что все дело не в интеллекте, а в отсутствии у обезьян необходимой для речевого акта нервной связи между мозгом и гортанью.

Традиционной трудностью в вопросе о том, что отличает человека от животного, считается соотношение между языком и моралью. Мы ощущаем чувство долга перед людьми, но не перед предметами. Если животные не люди, то не имеет значения, как мы с ними обращаемся. Это простое и грубое утверждение показывает глубину противоречия, коренящегося в разграничении между объектом и разумным субъектом.

Философия морали Канта не может быть распространена на животных, поскольку они были отнесены им в класс предметов, чтобы не усложнять систему. Рассуждения Канта о том, что человек может убить сослужившую ему службу и одряхлевшую собаку, поскольку последняя не имеет способности суждения (хотя Кант и признавал такой акт негуманным и достойным осуждения), не учитывало тот факт, что малые дети и умалишенные тоже не имеют способности суждения. Это противоречие является слабым местом в философии морали Канта. Что же касается соотношения между языком и моралью, то вовсе не умение человека разговаривать требует к нему уважения и гуманного отношения. Если бы шимпанзе оказались способными к речевому акту, то это не должно было бы изменить моральный статус по отношению к ним. Жестокое отношение некоторых учёных к животным отнюдь не делает жестокость научным качеством.

Природа человека объединяет разумное начало с животным. Нам, людям, требуются несовместимые противоречивые вещи. Мы довольно агрессивны, но в то же время нуждаемся в обществе других людей. Мы любим себе подобных и нуждаемся в их любви, но в то же время мы жаждем независимо-

сти и хотим путешествовать по миру. У нас, как и у приматов, имеется тенденция к образованию пар, но она несовершенна и приносит нам множество неприятностей. Мы не можем жить без культуры, но она никогда полностью не удовлетворяет нас. Составной частью культуры является способность человека к критике и самокритике. Умение создавать правила также всеобщая присущая людям характеристика. Одним из наиболее поразительных качеств примитивных культур является множество правил и ограничений по таким вопросам, которые цивилизованному человеку кажутся не требующими регулирования. Татуировка лица и других частей тела, например, не просто украшение. Это знаки возраста и положения, причем значение их строго оговорено целым рядом правил. Разум не подменяет и не отменяет инстинктов, ибо это не параллельные термины. Инстинкт подсказывает, что нужно делать, а разум, как это нужно делать.

Этические теории, касающиеся природы человека, Роберт Дж. Макши предлагает разделить на три категории: а) зависящие от понятия о природе человека, но систематически не обсуждающие эту зависимость (начиная от Платона и вплоть до Дж. Роулза); б) сводящие природу человека к единому основному импульсу (Т. Гоббс, И. Бентам, Дж.С. Милль); в) стремящиеся вывести этику вида из всеобщего, главным образом биологического взгляда на природу человека (Аристотель, Д. Юм).

Человек одновременно похож и не похож на животное. Каждый вид высших животных имеет собственную систему ценностей. Имеется видовая система ценностей и у людей, но её нельзя отождествить с этической системой. Однако человеческая мораль зависит от видовой системы ценностей и является отражением последней. Из этого следует, что все моральные расхождения в принципе могут быть преодолены.

Как и все животные, люди способны действовать только на базе чувств, но если бы они совершали свои поступки, основываясь на каждом ощущаемом ими чувстве, человеческий род не выжил бы. Необходима функциональная связь между чувством и окружающими обстоятельствами. Элементы морали содержатся именно в нашей способности удерживаться от действия, пока не появятся некие другие альтернативные решения. Любое чувство человек может преодолеть путем комбинации ряда других чувств.

Существуют две главных переменных величины, определяющих качество моральных решений.

⁹ Op. cit. P. 215.

Наиболее важная из них – степень умения отсрочить действие, называемая «характером». Вторая переменная тесно связана с интеллектом и воспитанием. Она представляет собой «умение заполнить промежуток отсрочки действия целым рядом образов, воссоздающих результирующие и альтернативные эмоции, а также те ситуации, которые в конечном счете могут возникнуть»¹⁰. Идеальное моральное действие совершает индивид, обладающий сильным моральным видовым характером и располагающий максимумом доступной и возможной информации.

Существует мнение, что этика природы человека в действительности не может быть названа этикой, ибо она субъективно-психологична. И действительно, имеются различия между наблюдением за эмоциями других и нашим собственным опытом, однако этическая теория природы человека нормативна по своей сути (мы создаем индивидуальный и общественный кодексы морали и чувствуем себя обязанными подчиняться нормам) и потому бесспорна.

Размышления о тщетности человеческих деяний, об абсурдности существования, о конечной бессмысленности Вселенной, конечно, противостоят обыденному сознанию, но если бы люди и вправду поверили в то, что ничто на свете не стоит и ломаного гроша, они прекратили бы думать и двигаться и вскоре перестали бы жить. Однако исчезновение ценностей в подобном дегуманизованном сознании лишь подтверждает утверждение о том, что мораль в какой-то степени является биологическим фактором.

Но если моральное чувство присуще всем людям одинаково от рождения, для чего же необходима мораль? И почему же мы не можем просто «поступать естественно»? Проследить генезис морали у разумных существ задача весьма трудная. Мораль действия в значительной мере зависит от обстоятельств. Многие же обстоятельства случаются тогда, когда мы не располагаем ни временем, ни возможностью исследовать факты. Кодекс морали есть система обобщений, предлагающая наилучший выбор действий во множестве типических ситуаций. Хотя корни теории природы человека биологизированы, не следует забывать и об изучении истории и культуры. Люди становятся людьми только внутри какой-то культуры, и понимание природы человека требуют исследования того, как эта природа проявляла себя в разное время и в разных странах. Мы производим наиболее интересные и важные открытия о себе, о своей природе только тогда, когда изучаем историю и политику, исследуем эстетическую форму окружающей жизни в ходе нашей практической деятельности.

Основания этической теории природы человека зиждутся на тех же нуждах, которые имеются и у животных (пища, вода, воздух, сон), но дальнейшие ценности, свойственные только человеческой природе, предполагают такие достоинства, как воздержание от лжи, исполнение обещания, эмоциональная стабильность, смелость, самоуважение. Поэтому изучение природы человека включает исследование его биологических, психологических, социологических и политических обнаружений.

Список литературы:

1. Апресян Р.Г. Мораль // Этика. Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. М., 2001.
2. Апресян Р.Г. Универсализация высказываний в процессе становления морального мышления // Философия и культура. 2014. № 4 (76). С. 607-617.
3. Гусейнов А.А. Этика доброй воли // Кант И. Лекции по этике. М., 2000.
4. Никонов Александр. Человек как животное. М., 2014.
5. Соловьев В.С. Оправдание добра. Соч. в 2-х тт. Т. 1. М., 1988.

References (transliteration):

1. Apresyan R.G. Moral' // Etika. Entsiklopedicheskiy slovar' / Pod red. R.G. Apresyana i A.A. Guseinova. M., 2001.
2. Apresyan R.G. Universalizatsiya vyskazyvaniy v protsesse stanovleniya moral'nogo myshleniya // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 4 (76). S. 607-617.
3. Guseinov A.A. Etika dobroy voli // Kant I. Leksii po etike. M., 2000.
4. Nikonov Aleksandr. Chelovek kak zhivotnoe. M., 2014.
5. Solov'ev V.S. Opravdanie dobra. Soch. v 2-kh tt. T. 1. M., 1988.

¹⁰ Mcshea R.J. Human nature ethical theory. – Philosophy and phenomenological research. Buffalo, 1979. Vol. 39. № 3. P. 391.